

Когда показы завершились, зал тут же заполнили журналисты. Объективы камер, вещавших в прямом эфире, сфокусировались на исполнителях главных ролей. Разумеется, эпицентром общего внимания стал Ши Минъю, сыгравший учителя средней школы, переживающего тяжелый кризис среднего возраста.

— Учитель Чжу, позвольте вопрос по поводу финала, — взяла слово корреспондентка «Развлечений Красная лиса». — Кого же на самом деле любил ваш герой, учитель Сюй Янь? Юную ученицу или жену, с которой делил и радость, и невзгоды?

Фильм «Мост» рассказывал историю, развернувшуюся в провинциальном городке на северо-востоке Китая. Скандальная связь юной ученицы и разочарованного в жизни мужчины зрелых лет... То, что казалось романтической историей, на поверку было лишь глупой шуткой: проиграв спор подругам, девчонка-подросток отправила учителю любовное послание.

Изначально в сюжете прослеживалась сложная линия мести, однако после монтажа Чу Цзина этот подтекст полностью растворился. На экране осталась лишь неторопливая, подчеркнута будничная жизнь маленького городка.

Впрочем, за этим обманчивым спокойствием глухих вод таились тёмные течения. Недаром в первой же сцене кадр замирал на одинокой удочке, после чего раздавался тяжелый всплеск, и камера поднималась ввысь, оставляя внизу лишь безучастную гладь озера. Простая операторская работа скрывала в себе далеко не простые смыслы.

Для Минъю в этом вопросе не было ничего сложного.

Он играл растерянность стареющего мужчины, его отчаяние перед будущим, сомнения в любви и врожденное, глубоко укоренившееся одиночество.

Но открыто говорить об этом журналистам он не собирался. Прессе нужны сенсации и бурные дискуссии, а не тонкие психологические разборы.

Прежде чем Минъю успел открыть рот, Чу Цзин перебил его:

— Он любил свою юность. И самого себя.

Минъю едва удержался от ироничной ухмылки.

Слишком лаконично. Из такого ответа журналистам не выжать ни строчки. Взглянув на корреспондентку, Минъю заметил на её лице явную досаду: режиссер обрубил тему на корню.

— Любовь бывает разной, — заговорил Минъю, сменив тон на мягкий и сдержанный, вызвав легкие улыбки в зале. — Любовь Сюй Яня к жене — это привязанность, выкованная годами рутины и тихой, размеренной жизни. Он никогда не оправдывался за отсутствие детей. Все-

таки для мужчины это... вопрос уязвимый, задевающий самолюбие. Мне всегда казалось, что без любви подобную верность не сохранить. Да, они совершенно разные люди: она погрязла в быту, он цепляется за свои идеалы — хотя кто-то назвал бы это нелепой, чуждой миру гордыней. Но эти нестыковки парадоксальным образом идеально совпали в реальности.

Сделав паузу, Минъю продолжил:

— А ученица Хуан Ли... Она ворвалась в его застоявшийся мир словно яркая птица. Звонкая песня, пестрые перья — трудно не поддаться чарам. Сюй Янь не стал исключением. Но за этим чувством стоял не столько эмоциональный порыв, сколько жесткий нравственный суд над самим собой. К тому же он понимал: птица рано или поздно улетит. Высоко и далеко. Он любил эту птицу, но еще больше — любил себя, вновь способного чувствовать. Сюй Янь жаждал любви — и иллюзорной, и той, что давно угасла. Но понимал, что ни одна из них не принесет искупления. И больше всего он ненавидел себя за это беспомощное застрявшее метание между двух огней.

Минъю выдал непривычно длинный и развернутый монолог.

В прошлых интервью он обычно держался ближе к народу, нагнетая легкую атмосферу, где все оставались счастливы — и пресса, и поклонники.

Сейчас же Минъю сознательно выбрал новую тактику: говорить витиевато и псевдоинтеллектуально.

Длинные пространные рассуждения в мире шоу-бизнеса часто вызывают лишь насмешки.

Мало кто из артистов действительно обладает глубокими познаниями, и чем больше они пытаются умничать, тем очевиднее их поверхностность.

Команда Минъю всегда действовала иначе. Они выстраивали ему образ скромного, надёжного и обаятельного профессионала с отличной актерской игрой.

Минъю с улыбкой наблюдал за опешившей журналисткой, которая, похоже, пыталась понять, с чего это он вдруг решил удариться в философствования. Это ведь не глубокое специализированное интервью. Зачем вываливать столько текста там, где нужны простые и яркие заголовки? Публика всё равно не станет вникать, а просто обвинит его в пафосе.

Чу Цзин, до этого внимательно слушавший его, вдруг тихо спросил:

— Тогда что тебе нравится во мне?

Минъю замер.

Улыбка застыла на его лице. Он перевел взгляд на режиссера, явно витавшего в собственных фантазиях, и даже боялся представить, выражение лиц журналистов.

Ты совсем из ума выжил?! Сдерживай свои порывы хотя бы под камерами!

Вспышки защёлкали с удвоенной силой, слепя глаза. Минъю, не моргая, мгновенно подхватил тему:

— В работе твоя преданность делу и профессионализм вызывают уважение.

А еще ты умеешь доводить людей до белого каления, так что тебя прибить хочется.

— А в жизни... Ты бываешь упрямым, но в ключевые моменты проявляешь редкую ответственность. Пожалуй, этот характер мне вполне импонирует.

Враньё. Кроме таланта, у тебя одна черта — любовь к безумию.

Журналистка, услышав ответ, заметно сдулась.

Ей было досадно, что Минъю так ловко увернулся, превратив «симпатию» Чу Цзина в обычное профессиональное признание. А ведь какой мог получиться материал! Заголовок «Чу Цзин публично признался в любви» взлетел бы на верхушки всех трендов.

Чу Цзин взглянул на Минъю, сделал шаг в сторону и слегка заслонил его плечом от слепящих вспышек со стороны.

— А я-то думал, ты скажешь... что я несносный и самовлюбленный, — небрежно бросил режиссер.

Минъю лишь сдержанно вздохнул. *Знаешь ведь, а все равно спрашиваешь.*

На самом деле Минъю искренне восхищался стрессоустойчивостью Чу Цзина перед лицом прессы.

Будь то прошлые скандалы вокруг его личной жизни или слухи о романах с актерами собственных фильмов, Чу Цзин всегда придерживался одного правила: игнорировать и молчать. Он позволял прессе писать всё, что угодно, даже не пытаясь давать опровержения, и относился к шумихе как к глупой шутке.

Журналисты его и ненавидели, и боготворили. Любили за скандальность, подарившую ему известность, но ненавидели за то, что он принципиально отказывался играть по их правилам.

— Из моих уст для тебя остались всего два слова, — с улыбкой произнёс Минъю.

— «Заткнись», да? — с полуслова понял Чу Цзин.

Стоявшие рядом репортеры с микрофонами не удержались от смешков.

Минъю обреченно зажмурился. *Сам же всё и озвучил.*

Похлопав Чу Цзина по плечу, он слегка подтолкнул его вперед:

— Пошли уже. Нечего нам, старикам, мозолить людям глаза.

— Идем.

Понимая, что и так перегнул сегодня палку, Чу Цзин беспрекословно подчинился и пошел за кулисы. Остальные члены съемочной группы облегченно перевели дух: теперь презентация фильма могла вернуться в нормальное русло.

Внезапное появление Чу Цзина создало неплохой инфоповод. А может, просто перепугало всех присутствующих.

Когда прямая трансляция завершилась, ассистентка Сяося за кулисами лихорадочно листала комментарии на экране телефона, отслеживая реакцию публики.

[Ушел? Ха-ха-ха! Мне кажется, остальные режиссеры в душе кроют его матом.]

[Чу Цзин как всегда в своем репертуаре... Ему вообще пофиг на других, заметил только Киноимператора Чжу, ха-ха-ха!]

[Народ, я сейчас умру от умиления! То, как Чу Цзин заслонил его от вспышек... Я орала на весь дом!!!]

[Это слишком похоже на правду! Неужели они реально вместе?!]

Глядя на эти сообщения, Сяося едва удерживалась от кивков. Пусть даже это фанатские фантазии, но до чего же красиво! Она и сама регулярно балансировала между «нельзя верить в фейковые пейринги» и «боже, как это прекрасно, дайте еще!».

Переключившись в личный чат, она увидела, что там идут не менее бурные обсуждения.

[Создатель группы: Ха! Я же говорила, что они появятся вместе! Ставка сыграла!]

**[Создатель группы реально шаманит... В прошлом месяце все кричали, что Чу Цзин точно не

приедет на премьеру, потому что занят новым проектом. И вот он здесь! Офигеть!]**

[Признаю поражение, админ — гений.])

[Создатель группы: Это просто невероятно! Чистый кайф, совсем как в ту «ночь разрыва» четыре года назад. Такой концентрированный стеклянный стеклоподтекст, просто шедевр!]

[Админ — монстр. Настоящий демонический фанфикер.])

[Плюс один к монстру.])

[А-а-а-а! Зачем вы напомнили про ночь разрыва?! У меня опять вьетнамские флешбэки! За что с нами так?!]

Сяосяю вздохнула.

Админ этого чата действительно была монстром — известным в фанатской среде видеомонтажером, умевшим так подать материал, что слезы текли ручьем.

Так называемая «ночь разрыва» была лишь фанатской шуткой, а на деле — банкетом в честь выхода третьего фильма Чу Цзина. После того вечера актеры действительно стали пересекаться куда реже. Они не снимались вместе, словно твердо решив разделить свои творческие пути.

Однако, став ассистенткой, Сяосяю поняла: они просто пытались снизить внимание общественности и не класть все яйца в одну корзину. Чем выше ожидания публики, тем проще ее разочаровать.

Это было мудрое решение, позволившее им сбавить градус ажиотажа и обеспечить себе устойчивую карьеру на долгие годы. К тому же Сяосяю знала: во многих фильмах, где позже снимался её босс, так или иначе присутствовал след Чу Цзина — то ли через рекомендованную съемочную группу, то ли через прямые инвестиции.

Сообщения в чате сыпались со скоростью сотни штук в минуту.

Закрыв приложение, Сяосяю поспешила в гримёрку. На сегодняшнее мероприятие компания отправила сразу нескольких помощников, и её задачей был контроль за происходящим на сцене.

В гримёрке отдыхали актеры, а её непосредственный начальник... занимался рукоприкладством.

Сотрудники вокруг едва сдерживали смех.

Минъю был в бешенстве. Едва выйдя из зоны видимости камер, он мгновенно сбросил маску

вежливости и перешел в наступление.

— В прошлые разы, когда тебя звали, ты хоть раз пришел?! Что за день сегодня такой особенный, что ты бросил все дела и приперся без предупреждения?! Лишь бы устроить балаган!

В руках у Минью была пластмассовая хлопушка для фанатов, которой он щедро охаживал Чу Цзина по плечам. Технический персонал, давно знакомый с режиссером, к подобным сценам относился спокойно.

Заметив вошедшую ассистентку, Минью мгновенно сбавил напор, аккуратно опустил игрушку и произнёс с тяжелым вздохом:

— Наш великий режиссер Чу... Нельзя же настолько терять берега.

Чу Цзин с максимально серьезным видом уточнил:

— Я сегодня перегнул?

Минью едва удержался от того, чтобы не закатить глаза.

— А сам как думаешь?

— Возможно... слегка, — нерешительно протянул режиссер.

Сяося сжала кулаки, с трудом подавляя писк. *Боже мой, это же готовый сценарий! Учитель Чжу, так мгновенно меняющий эмоции, просто милашка, а режиссер Чу, молча принимающий побои — это нечто.*

Закончив работу, она проверила рабочие чаты и снова заглянула в фанатское сообщество. Там кипели настоящие шекспировские страсти.

Открутив переписку назад, она нашла причину спора: кто-то из новичков усомнился в искренности отношений пары.

**[Пользователь_99: Да фальшивка это всё. Если бы действительно дружили, хотя бы предупредили заранее. Чу Цзин явно ни во что его не ставит.]*

**[???: Откуда этот эксперт вылез, ха-ха-ха?]*

**[Пользователь_01: Ну да, фальшивка. А ты фаномы ради правды читаешь? Фейки всегда интереснее реальности. Кто вообще в наше время верит в настоящие парочки?]*

[Пользователь_05: Ха-ха, жесткий сарказм!]

Дальше пошли более взвешенные комментарии:

[Пользователь_12: Насчет Учителя Чжу не знаю, он со всеми вежлив. Но о нем еще сам Чу Цзин говорил, что ему трудно не выделять его среди остальных.]

[Пользователь_44: Чёрт, обожаю эту цитату! Это же чистое признание, до чего романтично!]

[Пользователь_08: Чу Цзин в своем репертуаре. Мощно сказано.]

[Пользователь_33: Для тех, кто в танке: особое отношение — это не публичные обнимашки. Особое отношение Чу Цзина — в его операторской работе. Он всегда выделял его через объектив своей камеры.]

Сяося вздохнула, соглашаясь с последним высказыванием.

В фильмах Чу Цзина Учитель Чжу действительно всегда выглядел максимально притягательно. Режиссер словно видел в нем то, чего не замечали другие. Если обычные постановщики любили снимать его печальным и нежным, то Чу Цзин показывал его жестким, бескомпромиссным и холодным. Там, где другие видели мягкость, Чу Цзин снимал высокомерие и гордыню.

Его персонажи получались далеко не идеальными, но именно это заставляло зрителей вглядываться в них снова и снова.

Премьерный показ «Моста» завершился, первые кассовые сборы радовали, да и отзывы критиков внушали оптимизм. Съёмочная группа пребывала в смешанных чувствах: с одной стороны, фильм явно окупался и приносил прибыль, с другой — впереди ждал изнурительный промо-тур по городам.

Минъю же чувствовал лишь досаду. Ему срочно требовались провальные отзывы, чтобы выполнить задачи системы.

И словно отвечая на его молчаливые мольбы, к ночи в сети действительно появилась волна негатива. Известный кинокритик опубликовал разгромную рецензию, заявив, что «Мост» — это фальшивка под видом артхауса. По его мнению, за красивой оберткой скрывался банальный сюжет, а сама картина получилась скучной и претенциозной.

Критик разобрал фильм по косточкам, чем спровоцировал бурные споры.

[Шёл на «Мост», ожидая шедевра монтажа, а вылез с одним вопросом: что это было?! Нудятина редкая.]

[Полнейшее разочарование. Нагнали туману на пустом месте.]

[В праздники смотреть фильм про покойников и интрижки? Спасибо, испортили вечер.]

[Кто вообще допустил это к показу? Романтизация измен и связи учителя с ученицей — мерзость.]

Волна недовольства быстро подхватила соцсети. Теги «измена», «роман учителя и ученицы» и «аморальность» вышли в топ поиска.

Предварительные продажи билетов на следующий день рухнули почти вдвое.

Ночью Минью долго не мог заснуть, мониторя новости, и стал свидетелем того, как режиссер Цзинь Чэньюй — обычно сдержанный и правильный человек — устроил настоящий разнос в рабочем чате. Он обрушил проклятия на конкурентов и заказные бот-фермы, выплеснув всю накопившуюся ярость.

Впрочем, спустя пару минут режиссер удалил все эмоциональные сообщения и прислал денежные конверты с подписью: * «Извините, сорвался. Завтра тяжелый день, всем удачи на промо-туре!»*

Минью едва удержался от улыбки.

На самом деле он был абсолютно счастлив. Рапира негатива попала точно в цель. Поправив подушку, он наконец закрыл глаза: завтра его ждал ранний рейс, а значит, нужно было хотя бы немного отдохнуть.

<http://bllate.org/book/20141/1992044>